

Ростислав Станков (София)

ОБ ОДНОМ ЛОЖНОМ „МОРАВИЗМЕ”

В последнее время мы не раз обращались к проблеме лексических „моравизмов” в памятниках древней славянской письменности, показывая, что методика выявления этих „моравизмов” страдает многими недостатками¹.

Более того, некоторые лексические „моравизмы” Киевских Листков (КЛ) и *Бесед* на Евангелие Григория Двоеслова возводятся В. Ф. Марешом к докирилло-мефодиевскому времени. Речь идет об *инюкостъ* в КЛ и *Беседах*, которому обычно приписывают значение лат. *peregrinatio* и толкуют как ‘странствование по чужбине’². *Инюкостъ* – образование от *инюкъ*: ‘тот, кто живет один, одиночка’³. Слово *инюкъ* обычно этимологизируется как калька с греч. *μοναχός*⁴. В. Мареш естественно связывает происхождение *инюкостъ* с *инюкъ*, но при этом вынужден признать, что расхождение между этимологией (‘unicus’) и значением (‘peregrinatio’) трудно объяснимо⁵. Автор обратил внимание на *инюкостъникъ* в *Беседах*, соответствующее *pauper* в оригинале, толкуемое как ‘странствующий монах’. Это подтверждает, по его словам,

¹ Р. Станков, *О лексических моравизмах в древних славянских рукописях*, [in:] ПКСШ, vol. IX, Шумен 2006, p. 29–52; ИДЕМ, *О лексических моравизмах в древних славянских рукописях (2)*, [in:] *Българска филологическа медиевистика. Сборник научни изследвания в чест на проф. И. Харалампиев*, Велико Търново 2006, p. 261–287; ИДЕМ, *Еще раз о неприазни*, [in:] *60 години руска филология в Софийския университет. Сборник научни изследвания*, София 2006, p. 71–80; ИДЕМ, *О лексических моравизмах в древних славянских рукописях (3)*, [in:] ПКСШ, vol. X, Шумен 2008, p. 40–71; ИДЕМ, *Из наблюдений над лексикой раннего славянского перевода Хроники Георгия Амартола: орь ‘жеребец’*, [in:] *Русистика: язык, культура, перевод*, София 2012, p. 441–447; ИДЕМ, *Судьба древнеболгарской рукописной книги в свете проблемы моравизмов*, [in:] *Старобългарската ръкописна книга. Съдба и мисия. В памет на проф. Куйо М. Куев по случай 100-годишнината от рождението му*, Велико Търново 2012, p. 74–106.

² *Slovník jazyka staroslověnského* (cetera: SJS), vol. I, Praha 1958, p. 772; толкование основано на статье Мареша: F.V. MAREŠ, *Stopa předcyrilometodějských moravských misií iroskotských v česko-staroslověnské slovní zásobě?*, [in:] *Vznik a potky slovan*, Praha 1964, p. 7–11.

³ *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, ed. Э. БЛАГОВА, Р. ВЕЧЕРКА, Р.М. ЦЕЙТЛИН, Москва 1994 (cetera: CC), p. 261; SJS, vol. I, p. 773.

⁴ М. ФАСМЕР, *Этимологический словарь русского языка*, vol. II, Москва 1986, p. 13; *Български етимологичен речник*, vol. I, София 1971, p. 80–81.

⁵ F.V. MAREŠ, *op. cit.*, p. 10.

догадку, что *инокость* возникло под влиянием непосредственных контактов с ирландско-шотландским монашеством, так как последнее известно своим „кочевым” образом жизни. Автор отмечает, что объяснение это ослабевает в некоторой степени, если учесть средневековое значение лат. *peregrinatio* ‘*vita monastica*’⁶. Следует отметить, что *инокостьникъ* в *Беседах* имеет вариант *иноко странникоу*⁷. Этот вариант можно прочесть как недописанное словосочетание (*инокоу странникоу*) или как сложное слово с соединительным гласным *о* (*инокостранникоу*), в обоих случаях смысл остается один и тот же – ‘странствующий инок’. *Инокостьнъ* в *Беседах* имеет вариант *нищини*, а *инокостьство* (избыточное образование от *инокость* с добавлением суффикса *-ство*) – *странство* и *иноплемьство*. Эти различия не комментированы Марешом, который в конце концов пришел к выводу, что *инокость* в КЛ и *Беседах* является отголоском докирилло-мефодиевского пребывания ирландско-шотландского монашества в чешских землях („*našich zemich*”)⁸.

Инокость в значении ‘одиночество, уединение’ встречается в Сборнике слов и поучений XII–XIII вв. (№ 12 Троице-Сергиевой Лавры): (1) *добра юсть инокость. югда молити сѧ подобаетъ боу. ибо хсѣ съ се твораши. на горюу вѣсхода и мола сѧ.* 163 об.⁹. На первый взгляд, между употреблением *инокость* в КЛ и *Беседах* и Сборнике XII–XIII вв. есть серьезное различие, но его легко объяснить. Прежде чем сделать это, необходимо обратить внимание на деталь, о которой Мареш начисто забыл, а именно, – каким образом в чешской языковой среде, да еще в дописьменную эпоху, относимую к позднему праславянскому периоду, возникло производное *инокость*, если в самом чешском языке не было (и нет данных, что оно вообще когда-либо в нем было) производящего *инокъ*? В ЭССЯ, например, при **jьнокъ(jь)* приводятся только данные южно- (древнеболгарского, болгарского, сербского, хорватского) и восточнославянских (древнерусского, русского) языков. Новый взгляд на происхождение *инокъ* предлагает О.Н. Трубачев, который считает **jьнокъ(jь)* исконным образованием от **jьпъ* с суффиксом *-окъ* и объясняет его связь с греческим *μοναχός* как вторичную¹⁰. Значение ‘одинокий’ у слова *инокъ* объясняет семантику *инокость* в (1). Что касается употребления *инокость* и его производных в КЛ и *Беседах*, то оно объясняется наличием сочетания *инокъ дивни* (*μονὸς ἄγριος*) в Словах Григория Богослова¹¹; ср. также рус. диал. *инок* ‘раз-

⁶ *L. cit.*

⁷ *SJS*, vol. I, p. 772.

⁸ F.V. MAREŠ, *op. cit.*, p. 11.

⁹ *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)* (cetera: *СДЯ*), vol. IV, Москва 1991, p. 158; указание листа, видимо, неточно, так как на сайте Лавры [<http://www.stsl.ru>] не удалось обнаружить цитированный контекст в указанном месте.

¹⁰ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* (cetera: *ЭССЯ*), vol. VIII, Москва 1981, p. 232–233.

¹¹ *СДЯ*, vol. II, Москва 1989, p. 463, *дивни*; *СДЯ*, vol. IV, p. 158, *инокън*.

бойник¹², сохранившееся на периферии русской языковой территории (Карелия), в котором можно усмотреть древний синкретизм идеи одиночества и идеи движения, странствования. Можно добавить, что *инюкын*: *инюкын* известно древнеболгарскому языку (XIII Слов Григория Богослова, Ефремовская Кормчая)¹³. Со всей очевидностью следует, что *инюкость* не могло возникнуть в чешской языковой среде, да еще в докирилло-мефодиевскую эпоху¹⁴. Наоборот, слово появилось в письменную эпоху как окказиональное образование, не удержавшееся в языке. На окказиональный характер слова указывает другой окказионализм – *инюкостьство* (с избыточным суффиксом *-ство*), отмеченное только в *Беседах*. Если последнее появилось в чешской языковой среде, то следовало бы ожидать использование „чешского” суффикса *-ствие*. Слово *инюкость* и его производные – хороший пример того, что текст КЛ и *Бесед* не мог возникнуть в чешской языковой среде. Но это еще и пример того, как в науке можно создавать несуществующие культурные традиции.

Abstract. About one false „moravism”

The article deals with a false „moravism” registered in Kievan fragments and in *Orationes* on Gospel of pope Gregory the Great: *инюкость* ‘peregrinatio’. It is showed off how on a single world, non-existing cultural traditions could be made.

Rostislav Stankov

St. Clement of Ohrid University of Sofia
15 Tsar Osvoboditel blvd.
1504 Sofia, Bulgaria
r_stankov@abv.bg

¹² ЭССЯ, vol. VIII, p. 232.

¹³ И.И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, vol. I, Санкт-Петербург 1893, p. 1103–1104; СДЯ, vol. IV, p. 158.

¹⁴ И. Райнхарт, посвятивший специальное исследование лексике *Бесед*, особо *инюкость* не занимается, хотя статья Мареша об этом слове присутствует в его библиографии. Автор цитирует *инюкость* только в связи с теорией И. Хамма о поддельном происхождении КЛ – J. REINHART, *Methodisches zu den lexikalischen Bohemismen im Tschechisch-Kirchenslavischen am Beispiel der Homilien Gregors des Großen*, WSJ 26, 1980, p. 95.